

Уильям Теккерей

Романы прославленных
сочинителей

Перевод с английского
Инны Бернштейн

ФТМ

Уильям Мейкпис Теккерей

Романы прославленных сочинителей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21993085

Художественная литература; Москва;

ISBN 978-5-4467-2833-6

Аннотация

В книге "Романы прославленных сочинителей, или Романисты-лауреаты премий "Панча" в переводе Инны Максимовны Бернштейн Уильям Теккерей обращается к такому ироничному жанру, как пародия, легко и непринуждённо одаривая "выдающихся" писателей современности премией журнала "Панча" в 20 тысяч гиней. Премию присуждает самый просвещённый ценитель классической литературы – "многотерпеливый британский народ".

Содержание

«Джордж де Барнуэл»

6

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Уильям Мейкпис Теккерей Романы прославленных сочинителей, или романисты-лауреаты премий «Панча»

Предисловие

Романисты-лауреаты премий «Панча» – рубрика нашего журнала, получившая это название в связи с тем, что для счастливого соискателя назначена премия в двадцать тысяч гиней, – включит в себя работы ряда выдающихся авторов, являющихся гордостью нашего отечества. Их произведения будут почти неукоснительно из номера в номер публиковаться в нашем отделе «Разное». На эту публикацию уйдет, вероятно, около тридцати пяти лет, или больше, или меньше – в зависимости от приема, который окажет романам наш просвещенный ценитель – многотерпеливый британский народ.

Воспроизвести каждый роман целиком не представляется возможным, на это едва хватило бы и столетия – так многочисленны наши авторы и так могуч поток их произведений,

хлынувший к нам, как скоро известие (конфиденциальное) о наших намерениях достигло литературного мира. Но читатели смогут познакомиться с отдельными яркими образчиками, снабженными, как всегда у нас, неопишимо роскошными иллюстрациями.

Первая предлагаемая премия – двадцать тысяч гиней, точнее говоря, лотерейный билет, гарантирующий его держателю названную сумму или же палатцо в городе Вене. Вторая премия – подшивка номеров «Панча» за текущее полугодие. Третья – членство в «Британском и Международном Обществе Любителей»... и т. д. и т. п.

Итак, с удовлетворением и гордостью, которых мы не в силах скрыть, мы сразу же предлагаем вниманию публики роман «Джордж де Барнуэл», принадлежащий перу сэра Э. Л. и Б-Л, ББ-ЛЛ БББ-ЛЛЛ.

Мы не вправе открыть имя этого высокоодаренного автора, но почитатели его таланта, без сомнения, сами узнают, – по величавым составным словам, по частым упоминаниям об Идеале и Красоте, по блистательному набору заглавных букв, по всеобъемлющей и всюду проницающей классической учености и, прежде всего, по торжественному заверению, что этот роман – последний, – руку того, кто услаждает нас вот уж много лет.

«Джордж де Барнуэл»

Роман сэра Э. Л. В. Л., баронета

том I

Когда-то на Заре Жизни Разум и Красота страстно влеклись друг к другу, и от их союза произошла Любовь. Любовь, подобно породившим Ее божествам, бессмертна. Чарующая улыбка Матери досталась ей и пристальный взор Отца. Каждое утро восстает Она ото сна, свежая и сияющая, как этот пламенный Бог Солнце. Имя Ее – Эрос Вечноюный. Мрачен, мрачен был бы сей мир, когда бы его покинули два Бога, – мрачен и без светозарного отпрыска Латоны-Колесничего, и мрачнее еще во сто крат без таинственной улыбки Второго Божества. Ты меня понимаешь, о читатель?

Он стар, Вечноюный Эрос. Он и Время вместе были детьми когда-то. Будет некогда день, и Хронос тоже умрет, – но Любовь останется жить вечно. О светлейшее из Божеств, где только не слагали в честь тебя хвалебных песен? Исчезают другие религии; песок пустынь и прах забвенья засыпает идолов, во славу коих возводились пирамиды; нет более Олимпийцев, их кумирни уж не возвышаются над оливковыми рощами Илиса и не венчают изумрудные острова в аме-

тистовом лоне Эгейского моря. Их нет, но Ты по-прежнему существуешь. Есть еще розовые гирлянды для Твоих храмов, есть жирные тельцы для Твоего алтаря. Тельцы? Бессчетные кровавые гекатомбы! Все новая кровь проливается на Твои жертвенные камни, и Жрецы-Поэты, творящие требу во имя Твое, о, Неумолимое Божество, читают свои пророчества по кровоточащим сердцам людей.

А раз бесконечна Любовь, возможно ли, чтобы иссякли песнопения Барда? В век царей и героев о царях и героях были его песни. Но и в наши времена Поэт имеет голос наравне с Монархом. Народ, вот кто царь сегодня, и мы повествуем о его терзаниях, как певцы древности повествовали о жертвоприношении царственной Ифигении или о злом роке венценосного Агамемнона.

Разве Одиссей в отрешках менее величав, чем в пурпуре? Разве Рок, Страсть, Тайна, Страдалец и Мститель, Ненависть, что разит без пощады, Фурии, что гонят и терзают, Любовь, что истекает кровью, – разве все Они и сегодня не с нами? Разве и ныне Они не служат орудием Искусства? Красками на Его палитре? Струнами для Его лиры? Внемли же! Я поведаю тебе не о Царях, но о Людах, не о Тронах, но о Любви, о Горе и Преступлении. Внемли же мне снова. В последний раз (очень может быть) коснутся персты мои этих струн.

Э. Л. Б. Л.

Полдень на Чипсайд

Был полдень на стогнах Чипсайд – время прилива в могучей реке! Людской поток, рябя мириадами волн, едва не заливал ее берегов! Огромные фуры, до верху груженные товарами с тысячи рыночных площадей; золоченые кареты обладателей несметных богатств; более скромные, по и более вместительные экипажи, прибывающие из зеленых столичных пригородов (этих Висячих Садов нашего Вавилона), обыкновенные кебы, в которых всякий за умеренную плату может получить место и расположиться по-республикански; наемные коляски со своими грузами, о которых не обязательно знать посторонним; юркие двуколки курьеров, облаченных в царский пурпур, – все это и еще многое другое ташилось, застревало, напирало и с грохотом катилось по узкой протоке Чипсайд. Проклятия колесничих были ужасны. С парчовых козел вельможного выезда и с облучка простого кеба возницы поливали друг друга потоками сатирического сквернословия. Вот трепетная вдовица (поспешающая в банк, дабы получить там свой скудный пенсион) появилась в оконце экипажа и прямо визжит и вся трясется; а раздражительный богач, катящий к себе в контору (чтобы добавить еще одну тысячу к своим несметным сокровищам), просунул голову меж фигурными столбиками кареты с гербами и являет чудеса поносного красноречия, в котором даже его соб-

ственные слуги не могут с ним сравниться; отважные уличные мальчишки, весело скачущие по Лабиринту Жизни, наслаждаются стычками и бранью, распаяя и без того разъяренные стороны язвительной детской насмешкой. И лишь Философ, созерцая эту скачку, в коей приз победителю Золотой Куш, вздохнув, подумал о Разуме и Красоте и пошел своей дорогой, грустный и спокойный.

Был полдень на стогнах Чипсайд. В лавках теснился народ, нарядные витрины торговцев уловляли несметные толпы покупателей: сияющие окна, за которыми Бирмингем разложил свое поддельное серебро, останавливали деревенского ротозея, а голодного горожанина, хоть был еще только полдень, соблазняли ароматы кухмистерских, маня его пышками Бата или же пахучим варевом, которое подделывается вкусом под черепаховый суп – черепаховый суп! О, *dapibus supremi grata testudo Iovis*¹. Подумаю о тебе, и то уж я кум королю! И так, был полдень на стогнах Чипсайд.

Но все ли там битвы велись корысти ради? В числе лавок, струящих из окон свет на мостовые Чипсайд, была сто лет тому назад (к каковому времени и относится наш рассказ) одна, где торговали колониальными товарами. На пороге ее красовалась грубо вытесанная фигура негра с султаном и передником из дивных пестрых перьев. А на витрину пошли обильные дары Востока и Запада.

Вон ту потемневшую пирамиду сахара, помеченную эпи-

---

¹ О лира, украшение пиров верховного Юпитера! (лат.).

тафией: «Только 6 1/2 пенсов», – создал, отдавая свой труд, быть может, самую жизнь, бедный раб. Эта коробочка с надписью: «Крепкий Черный Семейный Чай, только 3 ш. 9 п.», прибыла из страны Конфуция. Вон та темная груда с табличкой: «Покупайте наш натуральный товар», – это кокосовые орехи, млечный сок которых подкрепляет обессиленных путешественников приводит в недоумение натурфилософов. Словом, заведение, о коем идет речь, было – Колониальная лавка.

Посреди лавки и всего великолепия сидел некто, о ком, судя по его наружности (задача нелегкая, ибо он повернут к нам спиной), можно было сказать, что он недавно достиг того благословенного возраста, когда Мальчик расцветает в Мужчину. О Юность, Юность! Счастливая и прекрасная! О свежая, благоухающая заря жизни, когда роса сверкает на цветах, еще не успевших сникнуть и увянуть под пламенным солнцем Страстей! Погруженный в мысли или учение, безразличный к шумной суете, сидел этот юноша поистине беспечным стражем доверенных ему богатств. Толпы теснились на улице – он их не замечал. Солнце изливало на город лучи – ему только надо было, чтобы они освещали страницу. Какой-нибудь проходимец легко мог бы стянуть его сокровища – он не видел и не слышал проходимца. Покупатель мог бы войти – но он был занят только своей книгой.

А покупатель и в самом деле вошел; нежная ручка в нетерпении постукивала по прилавку; лукавые глазки смотрели на

юношу, быть может, любуясь его мужественным сложением, которого не могла скрыть бедная ж слишком тесная одежда.

– Гм! Сэр! Послушайте, молодой человек! – воскликнула покупательница.

– «Ton d'arameibomenos prosephe», – продолжал тот усердное чтение, и голос его задрожал от избытка чувств. – О, что за язык! Какое богатство и благородство, какая звучность! «...prosephe podas»!²

Тут покупательница разразилась смехом, таким звонким и мелодичным, что усердный чтец не мог не обернуться и залился краской, только сейчас ее заметив.

– Хорош приказчик, нечего сказать! – смеялась она. – Со всей этой вашей тарабарщиной и разными французскими словечками! Что же, мне вечно дожидаться, что ли?

– Прошу извинения, очаровательная дева, – отвечал он с изысканной вежливостью, – но я читал не по-французски. То был божественный язык слепого барда. Чем могу вам служить, сударыня? – И спрыгнуть с высокого табурета, расправить фартук и стать перед нею послушным приказчиком, уж более не поэтом, было для него делом одного мгновенья.

– Я могла бы свиснуть эту коробку винных ягод, – любезно проговорила девица. – А вы бы и не подумали обернуться.

– Они прибыли из страны Гектора, – промолвил юноша. – Угодно изюма? Он некогда зрел на островах среди Эгейской синевы. Очень мелкий сорт, и цена умеренная: четыре с по-

---

² [Ему отвечая], промолвил быстроногий [Ахилл] (греч.).

ловиной пенса за фунт. Быть может, вы пожелаете отведать наши сорта чая? Мы не тыкаем всем в нос свою рекламу, как некоторые, но продаем не дороже прочих.

– Ведь вот какой молоденький, и сколько у вас всяких чудесных вещей! воскликнула девица, кто знает, не нарочно ли продлевая разговор. – Служи я на вашем месте и стой за прилавком, я бы целый божий день ела винные ягоды.

– Было время, – ответил юноша, – и не столь давно, когда и я так думал. Думал, я в жизни не наемся винными ягодами досыта. Но мой старый дядюшка позволил мне есть их сколько влезет, и, видит бог, я ими пресытился.

– Ясное дело, вы, мужчины, всегда так, – сказала прелестница.

– О нет, не говори так, прекрасная незнакомка! – воскликнул юноша, и лицо его зарделось, а орлиные очи запылали огнем. – Винные ягоды приедаются, но Красота – никогда! Винные ягоды портятся, но Разум – вечен. Мне на роду написано, сударыня, единоборство с Возвышенным, с Идеальным. Душа моя жаждет Фантастических Видений. Я стою за прилавком, это правда, но я денно и ночью размышляю о подвигах героев, раздумываю над мыслями мудрецов. Что бакалея для того, кто исполнен высшими стремлениями? Много ли сладости в мускате для того, кто вкусил от Поэзии? Идеалы, сударыня, мне кажется, это и есть Действительность, а грубая Существенность – не более как иллюзия и галлюцинация. Но прошу простить меня, чем я могу вам

служить?

– Да я зашла взять чайной крошки на шесть пенсов, – отвечала девушка нетвердым голосом, – но – ах! – я готова бы слушать вас вот так всю жизнь!

Только чайной крошки на шесть пенсов? Дева, ты унесешь с собою еще нечто. Тебе понравился его голос? Сирена! А в твоём голосе что за волшебство? Он ловко свернул пакетик и положил его на девическую ладонь. Девушка заплатила за покупку и, подарив его прощальным взглядом своих сверкающих очей, пошла прочь. Она медленно переступила через порог и в следующий миг уже затерялась в толпе. Был полдень на стогнах Чипсайд.

Джордж де Барнуэл остался один.

том II

Мы избрали следующую эпизодическую главу, отдав ей здесь предпочтение перед всеми остальными, в которых излагаются самые события жизни Джорджа Барнуэла, поскольку оные большинству читателей хорошо известны.

До этой сцены (которая относится к началу второго тома) история, вкратце, такова:

Злодейка Милвуд приходит в колониальную лавку каждый божий день – то за сахаром, то за винными ягодами, то за мускатным орехом.

Она и Джордж Барнуэл обмениваются клятвами любви и

верности на всю жизнь.

Страсть оказывает на Джорджа бурное действие. Грудь его распирают благородные стремления. Гений лезет у него из всех пор. Он, и к месту и не к месту, без конца рассуждает о Добре, о Красоте, Идеале и т. п. и вообще настолько добродетелен и красноречив, что это просто уму непостижимо, в каком отношении с ним могут сравниться разве только Девере, или П. Клиффорд, или Ю. Арам, эсквайры.

Вдохновленный злодейкой Милвуд и Любовью, Джордж грабит кассу и уходит в широкий мир, украшением коего ему суждено служить. Он далеко опережает всех щеголей, всех острословов, всех ученых и всех сластолюбцев своего века – неопределенного периода времени между правлениями королевы Анны и Георга Второго. Обедает у Керла возле Сент-Джонс-гейт, на дуэли за Монтегью-хаусом протыкает грудь полковнику Чартерсу. Оказывается замешан в интриги ше-валье де Сен-Жоржа, которого однажды принимает в своем роскошном Хэмстедском особняке, а в другой раз, прикинувшись приказчиком, – в Чипсайдской колониальной лавке.

Его дядюшка, владелец лавки, грубый скупердяй, совершенно не имеющий вкуса к таким вещам, как Разум и Красота, удаляется от дел в патриархальную деревеньку в Кембриджшире, откуда происходит благородная фамилия Барнуэлов. Кузина Аннабель, разумеется, питает к Джорджу тайную страсть.

В приводимом ниже превосходном отрывке могут встретиться кое-какие малосущественные неувязки, но следует помнить, что автор ставил себе целью живописать одним махом целый век и что диалог здесь столь же превосходен и достоверен, как, скажем, в «Последнем бароне», «Юджине Араме» или любом другом из произведений нашего автора, в которых соединяются История и Чувство, иначе говоря, Разум и Красота.

Глава XXIV

Кофейня Ваттона на Пэл-Мэл

Завсегдатаи нынешних громадных и мрачных Дворцов Молчания, которые общество возвело во славу Скуки на Пэл-Мэл, этом средоточии градского круга, и которые, видимо, потому что в них клубится зеленая тоска, называются клубами; кто зеваает у окна на Сент-Джеймс-стрит, разглядывая других таких же тоскующих щеголей в окне напротив; кто черпает новости из унылых вечерних газет и питает свое чувство юмора шутками многострадального «Панча», – одним словом, современные модники едва ли имеют представление о том, каким был Лондон тому лет сто пятьдесят. Ты, раздутый старый щеголь Сент-Джеймс-стрит, с твоими ла-

ковыми сапогами, крашеными бакенбардами и удушающими жилетами, разве можно сравнить тебя и твоих блестящих предшественников в этих же самых местах? Карета, из которой ты вылезает у подъезда «Карлтон-клуба» или «Клуба путешественников», точно такая же, как у всех; твой черный сюртук пышностью ни на йоту – ни единой складкой, ни липшей пуговицей – не отличается от сюртука соседа; твоя шляпа – с той же болванки, что и шляпа на голове у лорда Безмозгла, только что перед тобою взошедшего по ступеням клуба. Ты и он вместе зевают каждый вечер в театре, сидя в ложе у самой сцены; вы воображаете себя любителями удовольствий, поклонниками моды, обладателями изысканного вкуса; в действительности же газета – вот законодатель ваших фантазий, вкусов, мнений и взглядов; из газет происходят ваши остроты и ваши суждения, ваши сведения и ваша мудрость, бедные вы пэл-мэлские олухи! Тупые рабы временной печати, место, ныне занимаемое вами, принадлежало людям воистину большого и острого ума, знатокам моды и магистрам наслаждений – тому каких-нибудь полтора столетия назад.

Мы у Баттона – иначе говоря, под вывеской «Головы Турка», в знаменитой кофейне на Пэл-Мэл. Парики, парики за окнами, громко бранящиеся у крыльца носильщики портшезов (чьи украшенные гербами и коронами ноши сами говорят о знатности владельцев), толпа парчовых кавалеров, поднимающихся и спускающихся по ступеням крыльца, во-

круг которых самый воздух насыщен благоуханием пудры и ароматических шариков, – все, все здесь выдает лондонский прославленный храм Ума и Моды. Место – угол Риджент-стрит. Еще не снесен Карлтон-хаус.

Величавый мужчина в алом бархате с золотом, попивая шоколад за одним из столиков, толкует с другом, чей кафтан тоже шит золотом, но являет следы времени, а может быть, вина или непрерывной носки. У камина сидит маленький горбун в сером и читает «Морнинг кроникл», а по соседству некое духовное лицо в сутане и широкополой шляпе громким голосом и с сильным ирландским выговором беседует с господином, чьи звезда и лента через плечо, а также безупречный греческий профиль выдают его принадлежность к британской аристократии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.